

1001 ночь.

Сказка об Абу-Кире и Абу-Сире

Рассказывают также, что жили в городе Искандарии два человека, и один из них был красильщик по имени Абу-Кир, а другой – цирюльник по имени Абу-Сир. Они были друг другу соседями на рынке, и лавка цирюльника была рядом с лавкой красильщика. А красильщик был плут и лгун, человек очень злой, как будто висок его был высечен из твердой скалы или сделан из порога еврейской молельни. Он не стыдился сделать с людьми позорное дело, и было у него в обычае, когда кто–нибудь давал ему ткань, чтобы выкрасить ее, требовать сначала плату и намекать, что он купит на нее снадобий для окраски. И заказчик давал ему плату вперед, и Абу-Кир брал ее и тратил на еду и питье, а затем он продавал эту ткань, которую взял, после того как уходил ее владелец, и тратил плату за нее на еду, питье и прочее, и он ел лишь прекраснейшие из роскошнейших кушаний и пил лишь самое лучшее из того, что прогоняет ум.

А когда приходил к нему владелец ткани, он говорил: "Завтра приходи ко мне до восхода солнца и найдешь свою вещь выкрашенной". И владелец вещи уходил и говорил про себя: "День от дня близко!" А затем он приходил на другой день, по условию, а Абу-Кир говорил ему: "Приходи завтра! Я вчера не работал, так как у меня были гости и я заботился о том, что им было нужно, пока они не ушли. А завтра, до восхода солнца, приходи и бери твою ткань выкрашенной".

И заказчик уходил и приходил на третий день, и Абу-Кир говорил: "Вчера мне было простительно, потому что моя жена ночью и весь день рожала, а я исполнял все дела, но завтра уж непременно приходи, бери твою вещь выкрашенной".

И заказчик приходил, по условию, и Абу-Кир являлся к нему оттуда, где был, с другой хитростью и клялся ему...".

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот тридцать первая ночь

Когда же настала девятьсот тридцать первая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что красильщик, всякий раз как к нему приходил владелец вещи, являлся оттуда, где был, с какой–нибудь хитростью и клялся ему. И он все время обещал и клялся, когда заказчик приходил, пока тот не начинал тревожиться и не говорил: "Сколько раз ты будешь мне говорить "завтра"? Давай мою вещь, я не хочу ее красить".

И Абу-Кир говорил: "Клянусь Аллахом, о брат мой, мне перед тобой стыдно, но я расскажу тебе правду, и Аллах пусть обидит всех, кто обижает людей". – "Расскажи мне, что случилось", – говорил заказчик. И Абу-Кир отвечал: "Твою вещь я выкрасил в краску, которой нет подобной, и развесил ее на веревке, и ее украли, и я не знаю, кто ее украл".

И если владелец вещи был из людей добрых, он говорил: "Аллах возместит мне", а если был из людей злых, то начинал поносить и позорить Абу-Кира, но не получал с него ничего, хотя бы даже пожаловался судье.

И Абу-Кир не переставал делать такие дела, пока молва о нем не распространилась среди людей. И люди стали предостерегать друг друга от Абу-Кира, и о нем складывали поговорки, и все отказались от него. И с ним попадался только тот, кто не знал об его обстоятельствах, и несмотря на это, Абу-Кира непременно каждый день поносили и позорили твари Аллаха великого, и получился по этой причине у него застой в делах.

И он стал приходить в лавку своего соседа, цирюльника Абу-Сира, и сидел внутри ее, напротив красильни, смотря на ее дверь, и если видел, что кто–нибудь, кто не знает об его обстоятельствах, стоит у дверей красильни с вещью, которую хочет покрасить, то выходил из лавки цирюльника и говорил: "Что тебе нужно, о такой–то?" И пришедший говорил: "Возьми выкраси мне эту вещь"! И АбуКир спрашивал: "В какой цвет ты хочешь? (а он, при этих порочных качествах, умел красить во все цвета, но никогда не поступал ни с кем по правде, и несчастье одолевало его), – и затем брал вещь у заказчика и говорил: "Давай плату вперед, а завтра приходи, бери твою вещь".

И заказчик давал ему вознаграждение и уходил; и когда обладатель вещи отправлялся своей дорогой, Абу-Кир брал эту вещь, шел на рынок, продавал ее и покупал на вырученные деньги мясо, зелень, табак, плоды и то, что ему было нужно. А если он видел, что у лавки стоит один из тех, кто давал ему свою вещь для окраски, он появлялся и не показывался ему.

И он провел таким образом несколько лет, и случилось, что в один из дней он взял вещь у человека жестокосердого и продал ее и истратил ее стоимость. И владелец ее стал каждый день к нему приходить, но не находил его в лавке, так как, когда Абу-Кир видел кого–нибудь, чьи вещи у него были, он убегал от него в лавку цирюльника Абу-Сира.

И когда этот жестокосердый человек не нашел АбуКира в его лавке и это его обессилило, он отправился к кади и пришел к Абу-Киру с посланцем от него, и забил гвоздями дверь лавки в присутствии множества мусульман, и запечатал ее, так как не увидел в ней ничего, кроме разбитых корыт, и не нашел там чего–нибудь, что могло бы заменить ему его вещь. Затем посланец от кади взял ключ и сказал соседям: "Передайте ему, пусть принесет вещь этого человека и придет взять ключ от своей лавки". А потом тот человек и посланец ушли своей дорогой.

И Абу-Сир сказал Абу-Киру: "Что с тобой за несчастье? Всякого, кто приносит тебе вещь, ты ее лишаешь, Куда девалась вещь этого жестокосердого человека?" – "О сосед, ее у меня украли", – ответил Абу-Кир. И АбуСир молвил: "Чудеса! Вещи всех, кто тебе их дает, крадет у тебя вор! Разве ты – место сбора всех воров? Но, однако, я думаю, что ты лжешь. Расскажи мне твою историю". – "О сосед, – сказал Абу-Кир, – никто у меня ничего не крал". – "А что же ты делаешь с чужим имуществом?" – спросил Абу-Сир. И Абу-Кир молвил: "Всякую вещь, которую мне дают, я продаю и трачу ее стоимость". – "Дозволено ли это тебе Аллахом?" – сказал АбуСир. И Абу-Кир ответил: "Я делаю это только из бедности, так как мое ремесло неприбыльное, и я бедняк, и у меня ничего нет".

И затем он начал говорить о неприбыльности дела и малости средств, и Абу-Сир тоже стал говорить о неприбыльности своего ремесла и сказал: "Я мастер, которому нет равного в этом городе, но у меня никто не бреется, так как я человек бедный. Мне опротивело это ремесло, о брат мой".

И Абу-Кир, красильщик, сказал ему: "Мне тоже опротивело мое ремесло из–за неприбыльности, но что же нас заставляет, о брат мой, оставаться в этом городе? Мы с тобой уедем отсюда и посмотрим на чужие страны. Наше ремесло у нас в руках, и на него есть спрос во всех странах, и если мы уедем, мы понюхаем другого воздуху и отдохнем от этой большой заботы".

И Абу-Кир до тех пор разукрашивал путешествие Абу-Сиру, пока он не захотел уехать, и затем они сговорились, что поедут..."

Девятьсот тридцать вторая ночь

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи. Когда же настала девятьсот тридцать вторая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Абу-Кир до тех пор разукрашивал путешествие Абу-Сиру, пока тот не захотел уехать, и затем они сговорились, что поедут.

И Абу-Кир обрадовался, что Абу-Сир хочет ехать, и произнес такие слова поэта:

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

"Покинь свою родину, ища возвышения,

И трогайся в путь, – в пути полезных есть пять вещей: заботы, рассеяние и заработок на жизнь,

И званье, и вежество, и общество славного.

А скажут когда: "В пути заботы и горести.

Разлука с любимыми и бедствия грозные",

То знай: смерть для юноши все лучше, чем жизнь его

В обители низости, доносов и зависти".

И когда они решили ехать, Абу–Кир сказал Абу–Сиру: "О сосед, мы стали братьями, и нет между нами различия, и нам следует прочесть фатиху и сговориться о том, что работающий будет зарабатывать и кормить неработающего, а все, что останется, мы будем класть в сундук, и когда вернемся в Искандарию, разделим это по правде и справедливости".

И Абу–Сир сказал: "Это так и будет". И прочитал фатиху о том, что работающий будет зарабатывать и кормить безработного. А затем Абу–Сир запер свою лавку и отдал ключи ее хозяину, а Абу–Кир оставил ключ у посланца кади, и лавка его была запертой и запечатанной, и оба взяли свои пожитки и отправились путешествовать.

Они сели на корабль в соленом море и уехали в этот же день, и досталась им на долю помощь, и, к довершению счастья цирюльника, среди всех, кто был на корабле, не было ни одного брадобрея, а было на нем сто двадцать человек, кроме капитана и матросов.

И когда распустили паруса на корабле, цирюльник встал и сказал красильщику: "О брат мой, это – море, на котором мы должны есть и пить, а у нас только немного пищи. Может быть, кто–нибудь мне скажет: "Пойди сюда, цирюльник, побрей меня". И я поберею его за лепешку, или за полушку серебра, или за глоток воды, и мы с тобой будем этим пользоваться".

И красильщик сказал: "Это не плохо!" – положил голову на доски и заснул. А цирюльник поднялся и, взяв свои принадлежности и чашку, накинул себе на плечо тряпку вместо полотенца, так как он был человек бедный, и стал ходить между путниками.

И кто–то сказал ему: "Пойди сюда, о мастер, побрей меня"; и Абу–Сир побрил его, и когда он побрил этого человека, тот дал ему полушку серебра, и цирюльник сказал: "О брат мой, не нужна мне эта серебряная полушка! Если бы ты дал мне лепешку, она была бы для меня благословеннее в этом море, так как у меня есть товарищ, а пищи у нас мало".

И человек дал ему лепешку и кусок сыру и наполнил ему его чашку пресной водой, и Абу Сир взял это и, придя к Абу Киру, сказал ему: "Бери эту лепешку и ешь ее с сыром и пей то, что в чашке". И Абу–Кир забрал у него это и стал есть и пить.

А потом Абу Сир, цирюльник, взял свои принадлежности, положил тряпку на плечо и с чашкой в руке стал ходить по кораблю, среди путников. И он побрил человека за пару лепешек и другого – за кусок сыру, и на него появился спрос, и всякого, кто ему говорил: "Побрей меня, мастер", он заставлял дать ему пару лепешек и полушку серебра, – а на корабле не было цирюльника, кроме него. И не настал еще закат, как он собрал тридцать лепешек и тридцать серебряных полушек. [651] И оказался у него сыр, и маслины, и молоки в уксусе, и когда он просил что–нибудь, ему давали, так что у него стало всего много.

И Абу–Сир побрил капитана и пожаловался ему на недостаток припасов в пути, и капитан сказал ему: "Добро пожаловать! Приводи твоего товарища каждый вечер, и ужинайте у меня. Не обременяйте себя заботой, пока будете ехать с нами".

И Абу–Сир вернулся к красильщику и увидел, что тот все спит, и разбудил его, и Абу–Кир, проснувшись, увидел подле себя много хлеба, сыра и маслин, и молоки в уксусе и спросил: "Откуда у тебя это?" И цирюльник ответил: "От щедрот Аллаха великого", И Абу–Кир хотел начать есть, но Абу–Сир сказал ему: "Не ешь, о брат мой, и оставь это, оно пригодится нам в другое время. Знай, что я брил капитана и пожаловался ему на недостаток припасов, и он сказал: "Простор тебе! Приводи твоего товарища каждый вечер, и ужинайте у меня! И первый наш ужин у капитана – сегодня вечером", – "У меня кружится голова от моря, и я не могу встать с мезга, – сказал Абу–Кир. – Дай мне поужинать этими вещами и иди к капитану один". – "В этом нет беды", – сказал Абу–Сир. И затем он сел и стал смотреть, как Абу–Кир ест, и увидел, что он отламывает куски, как отламывают камни от гор, и глотает их, точно слон, который несколько дней не ел, и пихает в рот кусок, прежде чем проглотит предыдущий, и тарашит глаза на то, что перед ним, точно гуль, и пыхтит, словно голодный бык над соломой и бобами.

И вдруг пришел матрос и сказал: "О мастер, капитан говорит тебе: "Веди своего товарища и приходи ужинать"; и Абу–Сир спросил Абу–Кира: "Ты пойдешь с нами?" И тот ответил: "Я не могу идти!"

И цирюльник пошел один и увидел, что капитан сидит, а перед ним скатерть, на которой двадцать блюд или больше, и он и его люди ждут цирюльника с его товарищем.

И когда капитан увидел Абу–Сира, он спросил: "Где твой товарищ?" И Абу–Сир ответил: "О господин, у него кружится голова от моря". – "Не беда, – сказал капитан, – его головокружение пройдет. Иди сюда, ужинай с нами, я тебя ждал".

И потом капитан освободил блюдо с кебабом и стал откладывать на него от каждого кушанья, так что оказалось довольно на десятерых. И когда цирюльник поужинал, капитан сказал ему: "Возьми это блюдо с собой для твоего товарища".

И Абу–Сир взял блюдо, и принес его Абу–Киру, и увидел, что тот перемалывает клыками еду, стоящую перед ним, точно верблюд, и отправляет один кусок вслед другому с поспешностью. "Разве я не говорил тебе: не ешь! – сказал Абу–Сир. – Благо капитана изобильно: посмотри, что он тебе послал, когда я рассказал ему, что у тебя кружится голова". – "Давай", сказал Абу–Кир; и Абу–Сир подал ему блюдо, и красильщик взял его и начал жадно есть то, что на нем было, и все другое, словно пес, оскаливший зубы, или сокрушающий лев, или рухх, который бросился на голубя, или человек, едва не умерший с голоду, который увидел еду и начал есть.

И Абу–Сир оставил его, и ушел к капитану, и выпил там кофе, а потом он вернулся к Абу–Киру и увидел, что тот съел все, что было на блюде, и отбросил его пустым..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот тридцать третья ночь

Когда же настала девятьсот тридцать третья ночь, она сказала: Дошло до меня, о счастливый царь, что Абу–Сир, вернувшись к Абу–Киру, увидел, что тот съел то, что было на блюде, и отбросил его пустым. И тогда он взял блюдо и передал его одному из слуг капитана, и вернулся к Абу–Киру, и проспал до утра.

А когда наступил следующий день, Абу–Сир начал брить, и всякий раз как ему что–нибудь доставалось, он отдавал это Абу–Киру, и Абу–Кир ел и пил, садясь и вставая только для того, чтобы удовлетворить нужду.

И каждый вечер Абу–Сир приносил от капитана полное блюдо, и они провели таким образом двадцать дней, пока корабль не стал на

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

якорь в гавани одного города.

И тогда они вышли с корабля, и вошли в этот город, и взяли себе комнату в одном хане, и Абу–Сир постлал в ней циновки, и купил все, что им было нужно, и, принеся мясо, сварил его. А Абу–Кир спал с тех пор, как вошел в комнату в хане, и не проснулся, пока Абу–Сир не разбудил его и не положил перед ним скатерть.

И, проснувшись, Абу–Кир поел и потом сказал АбуСиру: "Не взыщи с меня, у меня кружится голова". И опять заснул.

И он провел таким образом сорок дней, и каждый день цирюльник брал свои принадлежности и ходил по городу и работал, получая прибыль, а возвратившись, он находил Абу–Кира спящим и будил его. И Абу–Кир просыпался, и с жадностью принимался за еду, и ел так, как ест тот, кто никогда не насытится и не удовлетворится, а потом снова засыпал.

И он провел таким образом еще сорок дней, и всякий раз, как Абу–Сир говорил ему: "Сядь отдохни и выйди прогуляться в город – в нем есть всякие развлечения и блеск и красота, и нет ему подобного среди городов", АбуКир, красильщик, говорил ему: "Не взыщи, у меня кружится голова". И Абу–Сир, цирюльник, не хотел смущать АбуКира и заставлять его слушать обидные слова.

Но на сорок первый день цирюльник заболел и не смог выйти, и он нанял привратника хана, и привратник сделал то, что им было нужно, принес им поесть и попить, и АбуКир так же ел и спал.

И цирюльник нанимал привратника хана для исполнения своих нужд четыре дня, а после этого болезнь его так усилилась" что весь мир исчез для него от жестокой болезни.

Что же касается Абу–Кира, то его сжигал голод, и он поднялся и стал шарить в одежде Абу–Сира и, увидев, что у него есть немного денег, взял их, и запер Абу–Сира в комнате, и ушел, не уведомив никого, а привратник был на рынке и не видел, как он выходил.

Абу–Кир пошел на рынок, и оделся в прекрасные одежды, и стал ходить по городу и смотреть, и увидел, что это город, подобного которому не найти среди городов, но все одежды в нем белые и синие – не иные. И он пришел к одному красильщику и увидел, что все, что есть у него в лавке, – синее, и тогда он вынул носовой платок и сказал: "Эй, мастер, возьми этот носовой платок, выкраси его и получи плату". – "Плата за окраску этого двадцать дирхемов", – сказал красильщик. И Абу–Кир молвил: "Мы красим это в нашей стране за два дирхема". – "Иди крась его в своей стране, – сказал красильщик, – а я не буду его красить меньше чем за двадцать дирхемов. Мы не сбавим эту цену ни насколько". – "А в какой цвет ты хочешь его выкрасить?" – спросил его Абу–Кир. "Я выкрашу его в синий", – сказал красильщик. "Я хочу, чтобы ты его выкрасил в красный цвет", – сказал Абу–Кир. "Я не знаю красной краски", – сказал красильщик. "В зеленый", – сказал Абу–Кир. "Я не знаю зеленой краски", ответил красильщик. "В желтый", – сказал Абу–Кир. "Я не знаю желтой краски", – ответил красильщик.

И Абу–Кир стал перечислять краски, краску за краской, и красильщик сказал ему: "Нас в нашей стране сорок мастеров, и их не бывает ни одним больше, ни одним меньше, и когда кто–нибудь из нас умирает, мы обучаем его сына, а если он не оставил потомства, нас оказывается одним меньше; если же у кого двое сыновей, мы обучаем одного из них, а когда он умрет, обучаем его брата. Наше ремесло твердо установлено, и мы умеем красить не иначе, как в синий цвет".

И Абу–Кир, красильщик, сказал ему: "Знай, что я красильщик и умею красить во все цвета. Я хочу, чтобы ты взял меня служить за поденную плату, и я научу тебя красить во все цвета, чтобы ты мог похвалиться во всяком цехе красильщиков". – "Мы никогда не допускаем чужестранца войти в наше ремесло", – сказал красильщик. "А если я открою себе красильню один?" – спросил АбуКир. "Это никогда не будет возможно", – ответил красильщик. И Абу–Кир оставил его и отправился к другому, и тот сказал ему то же, что и первый, и Абу–Кир ходил от красильщика к красильщику, пока не обошел сорок мастеров, но они не принимали его ни в поденщики, ни в мастера.

И Абу Кир отправился к старшине красильщика и рассказал ему об этом, и тот сказал: "Мы не пускаем чужестранца войти в наше ремесло".

И Абу–Кира охватил великий гнев, и он пошел жаловаться царю этого города и сказал ему: "О царь времени, я чужестранец, и по ремеслу я красильщик, и случилось у меня с красильщиками то–то и то–то, а я крашу в красный цвет разных оттенков – в цвет розы и грудной ягоды, и в зеленый цвет разных оттенков – в травянистый, фисташковый, оливковый и в цвет крыла попугая, и в черный цвет разных оттенков – в угольный и в цвет сурьмы, и в желтый цвет разных оттенков – в апельсиновый и в лимонный". И он стал называть царю все цвета, а затем сказал: "О царь времени, все красильщики в твоём городе не умеют красить ни в один из этих цветов и знают только синюю краску, и они не приняли меня и не позволили мне быть у них ни мастером, ни поденщиком". И царь ответил: "Ты в этом прав, но я открою тебе красильню и дам капитал, и тебе от них ничего не будет, а всякого, кто станет тебе препятствовать, я повешу на дверях его лавки".

И затем он отдал приказ строителям и сказал им: "Ступайте с этим мастером и пройдите с ним по городу, и если какое место ему понравится, выгоните оттуда его хозяина, все равно будет это лавка, хан или что–нибудь другое, и постройте ему красильню так, как он хочет, и что он вам ни прикажет – делайте, не прекословя ему в том, что он скажет".

И потом царь одел Абу–Кира в красивую одежду, и дал ему тысячу динаров, и сказал: "Трать их на себя, пока не закончится постройка".

Он дал ему также двух невольников, чтобы прислуживать ему, и коня с разукрашенной сбруей, и Абу–Кир надел одежду, сел на коня и стал как эмир. И царь отвел ему дом и велел устлать его коврами, и его устлали..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот тридцать четвертая ночь

Когда же настала девятьсот тридцать четвертая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что царь отвел АбуКиру дом и велел устлать его коврами, и дом устлали, и он поселился в нем.

А на следующий день он выехал и поехал по городу, предшествуемый строителями, и осматривал его, пока ему не понравилось одно место, и тогда он сказал: "Это место хорошее". И хозяина выгнали оттуда, и привели к царю, и тот дал ему плату за его помещение больше того, что его бы удовлетворило, и постройка началась.

И Абу–Кир говорил строителям: "Стройте так–то и такто и делайте так–то и так–то!" И ему построили красильню, которой нет равной. И затем он явился к царю и рассказал ему, что постройка красильни закончилась и нужны только деньги на краску, чтобы пустить ее в ход.

И царь сказал ему: "Возьми эти четыре тысячи динаров и сделай их капиталом и покажи мне плод работы твоей красильни. И Абу–Кир взял деньги, и пошел на рынок, и увидел, что индиго много и что оно ничего не стоит.

Он купил все, что ему было нужно из принадлежностей для крашения, а потом царь послал ему пятьсот отрезов ткани, и Абу–Кир начал их красить, и выкрасил их в различные цвета, и развесил перед дверями красильни, и люди, проходя мимо нее, видели удивительную вещь, которой в жизни не видели.

И народ толпился около дверей красильни, и все смотрели, и спрашивали Абу–Кира, и говорили ему: "О мастер, как называются эти цвета?" И Абу–Кир говорил: "Это красный, а это желтый, а это зеленый". И перечислял им названия цветов; и люди стали приносить ему ткани и говорили: "Выкраси нам это так или так и возьми то, что спросишь".

И когда Абу–Кир кончил красить ткани царя, он взял их и пошел в диван. И царь, увидав такую окраску, обрадовался и оказал Абу–Киру великие милости, и все военные стали приходить к нему с тканями и говорили: "Выкраси ее нам так–то", и Абу–Кир красил им по их

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

желанию, и на него сыпалось золото и серебро, и молва о нем распространилась, и его красильню называли "Красильней султана", и добро шло к нему из всех дверей.

И ни один из всех красильщиков не мог с ним заговорить, и они только приходили, целовали ему руки и извинялись перед ним за то, как они с ним поступили, и предлагали ему себя и говорили: "Сделай нас твоими слугами"; но Абу-Кир не соглашался принять никого из них.

И появились у него рабы и невольницы, и он собрал большие деньги. И вот то, что было с Абу-Киром.

Что же касается Абу-Сира, то, когда Абу-Кир запер его в комнате, взяв сначала у него деньги, и ушел, и покинул его больным, исчезнувшим из мира, Абу-Сир остался брошенный в этой комнате за запертой дверью и пролежал там три дня.

И привратник хана обратил внимание на дверь этой комнаты и увидел, что она заперта, и он не увидел никого из тех двоих до заката солнца и не узнал о них вестей.

И тогда он сказал про себя: "Может быть, они уехали и не отдали платы за комнату, или умерли, или что еще там с ними?" И подошел к дверям комнаты и увидел, что она заперта, и услышал стоны цирюльника. Он увидел ключ в деревянном замке и открыл дверь, и вошел, и, увидав стонавшего цирюльника, сказал ему: "С тобой не будет беды! Где твой товарищ?" "Клянусь Аллахом, – ответил Абу-Сир, – я очнулся от болезни только сегодня и стал звать, но никто не дал мне ответа. Ради Аллаха, о брат мой, посмотри в мешке у меня под головой и возьми из него пять полушек. Купи мне на них чего-нибудь для пропитания, я до крайности голоден",

И привратник протянул руку, и взял мешок, и увидел, что он пустой, и сказал цирюльнику: "Мешок пустой, в нем ничего нет". И Абу-Сир, цирюльник, понял, что Абу-Кир взял то, что там было, и убежал.

"Не видел ли ты моего товарища?" – спросил он привратника. И тот сказал: "Я уже три дня его не вижу и думал, что ты с ним уехал". – "Мы не уехали, – сказал цирюльник, – но он позарился на мои гроши и взял их и убежал, увидев, что я болен".

И потом он стал плакать и рыдать, и привратник хана сказал ему: "Не беда, он найдет свое дело у Аллаха".

И привратник хана пошел и, сварив похлебку, налил Абу-Сиру тарелку, и дал ему, и он ухаживал за ним два месяца и содержал его из своего кошелька, пока Абу-Сир не пропотел и Аллах не вылечил его от болезни, которая была у него.

И потом Абу Сир встал на ноги и сказал привратнику хана: "Если Аллах великий даст мне возможность, я вознагражу тебя за то благо, которое ты мне сделал, но вознаграждает только Аллах от своей милости". – "Хвала Аллаху за здоровье, – сказал привратник хана. – Я сделал это с тобой, только стремясь угодить Аллаху великодушному".

И затем цирюльник вышел из хана и прошел по рынкам, и судьбы привели его на рынок, в котором была красильня Абу Кира. И он увидел ткани, выкрашенные в разные цвета и повешенные в дверях красильни, и людей, которые толпились и глядели на них, и спросил человека из жителей города: "Что это за место и почему, я вижу, люди толпятся?" И спрошенный ответил ему: "Это красильня султана, которую он открыл для одного чужеземца по имени Абу Кир. И всякий раз, как он выкрасит одежду, мы собираемся и смотрим на ее окраску, так как в нашей стране нет красильщиков, которые умеют красить в такие цвета. А у него случилось с красильщиками в нашем городе то, что случилось".

И этот человек рассказал Абу-Сиру о том, что случилось у Абу-Кира с красильщиками, и как он пожаловался на них султану, а тот поддержал его, и построил ему эту красильню, и дал ему столько-то и столько-то денег. И рассказал обо всем, что произошло. И Абу-Сир обрадовался и подумал: "Хвала Аллаху, который помог ему, и он стал мастером! Этому человеку простительно: может быть, его отвлекало от тебя ремесло, и он про тебя забыл. Но ты сделал ему милость и оказал ему уважение, когда он был без работы, и когда он увидит тебя, он тебе обрадуется и окажет тебе уважение за то, что ты оказал ему уважение".

И он подошел к дверям красильни и увидел Абу-Кира, который сидел на высоком сиденье, над выступом, в дверях красильни, в платье из царских одежд, и перед ним стояли четыре раба и четыре белых невольника, одетые в роскошные одежды, и Абу-Сир увидел, что рабочие – десять рабов – стоят и работают, так как Абу Кир, купив их, научил их красильному делу. А сам он сидел среди подушек, словно величайший везирь или славнейший царь, и ничего не делал своей рукой, а только говорил: "Сделайте то-то и то-то".

И Абу-Сир остановился перед ним, думая, что когда Абу Кир его увидит, он обрадуется, и приветствует его, и окажет ему уважение, и обойдется с ним ласково; но когда глаза встретились с глазами, Абу-Кир сказал: "О сквер вый, сколько раз я тебе говорил: не стой в дверях этой мастерской! Разве ты хочешь опозорить меня среди людей, о разбойник? Хватайте его!"

И рабы подбежали к Абу-Сиру и схватили его, и АбуКир встал прямо и, взяв палку, сказал: "Повалите его!" – и когда цирюльника повалили, побил его по спине сотней ударов; а затем Абу Сира перевернули, и он побил его сотней ударов по животу и сказал: "О скверный, о обманщик! Если я увижу, после сегодняшнего дня, что ты стоишь у дверей этой красильни, я сейчас же отошлю тебя к царю, и он передаст тебя вали, чтобы тот скинул тебе голову. Иди, да не благословит тебя Аллах!"

И Абу-Сир ушел от него с разбитым сердцем из-за побоев и унижений, которые достались ему и присутствующие спросили Абу-Кира, красильщика: "Что сделал этот человек?" И Абу-Кир сказал: "Это разбойник, который крадет чужие ткани..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот тридцать пятая ночь

Когда же настала девятьсот тридцать пятая ночь, она сказала: "Дошло до меня о счастливый царь, что Абу-Кир побил Абу-Сира и прогнал его и сказал людям: "Это разбойник, который крадет чужие ткани. Сколько раз он воровал у меня ткани и я говорил в душе: "Аллах простит ему! Это человек бедный". И не хотел его расстраивать, и отдавал людям деньги за их ткани, и мягко удерживал его, но он не воздерживался; и если он вернется еще раз после этого раза, я пошлю его к царю, и он его убьет и избавит людей от его вреда".

И люди стали бранить Абу-Кира после его ухода.

Вот что было с Абу-Киром. Что же касается Абу-Сира, то он вернулся в хан и сел, раздумывая о том, что сделал с ним Абу-Кир, и сидел до тех пор, пока на нем не остыли побои.

А затем он вышел и прошел по рынкам города, и ему пришлось в голову сходить в хаммам. И он спросил одного из жителей города: "О брат мой, где дорога в хаммам?" И тот человек спросил его: "А что такое хаммам?" "Место, где люди моются и снимают с себя грязь, и это одно из лучших благ здешней жизни", – ответил Абу-Сир. И тот человек молвил: "Вот перед тобой море". – "Мне нужен хаммам", – сказал Абу-Сир. И тот человек сказал: "Мы не знаем, какой бывает хаммам, и мы все ходим к морю. Даже царь, когда хочет помыться, идет к морю".

И когда Абу-Сир понял, что в этом городе нет хаммама и люди не знают, что такое хаммам и каков он, он пошел в диван царя и, войдя к нему, поцеловал перед ним землю, пожелал ему блага и сказал: "Я человек уз чужой страны, и по ремеслу я банщик. Я вступил в твой город и хотел пойти в хаммам, но не увидел в нем ни одного хаммама. И как может город такого прекрасного вида быть без хаммама, когда хаммам – одно из лучших благ в мире?" – "А что такое будет хаммам?" – спросил царь. И Абу-Сир стал описывать ему качества хаммама и сказал: "Твой город станет совершенным только тогда, когда будет в нем хаммам". – "Добро пожаловать!" – воскликнул царь, и одел Абу-Сира в одежду, которой нет подобия, и дал ему копя и двух рабов, а затем он пожаловал ему четырех невольниц и двух белых невольников и приготовил ему дом, устланный коврами. Он оказал ему уважение большее, чем красильщику, и послал с ним строителей и сказал им: "В

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

том месте, где ему понравится, выстройте ему хаммам".

И Абу–Сир взял их и пошел с ними на середину города, и когда ему понравилось одно место, он указал на него строителям, и те начали постройку.

И Абу–Сир указал им, какое это должно быть здание, пока они не построили ему хаммам, которому нет равного, а затем Абу–Сир велел разрисовать этот дом, и его разрисовали удивительными рисунками, так что он стал отрадой для смотрящих.

И после этого Абу–Сир пошел к царю и рассказал ему об окончании постройки хаммама и его разрисовки и сказал: "Там не хватает только ковров".

И царь дал ему десять тысяч динаров, и Абу–Сир взял их, и устлал хаммам коврами, и развесил в нем полотенца на веревках, а всякий, кто проходил мимо дверей хаммама, изумлялся, и мысли его смущались при виде рисунков на стенах.

И люди толпились около этого дома, подобного которому они не видели в жизни, и глядели на него и говорили: "Что это такое?" И Абу–Сир отвечал: "Это хаммам". И люди удивлялись.

А затем Абу–Сир нагрел воду и пустил хаммам в ход. Он сделал фонтан в водоеме, который похитил умы всех жителей города, видевших его, и попросил у царя десять невольников, не достигших зрелости, и царь дал ему десять невольников, подобных лунам, и Абу–Сир стал разминать им тело и говорил им: "Делайте с посетителями то же самое".

А потом он разжег курения и послал глашатая, который кричал в городе и говорил: "Эй, твари Аллаха, идите в хаммам, он называется "Хаммам султана".

И к Абу–Сиру стал приходить народ, и он приказал невольникам мыть людям тело, и люди спускались в водоем и выходили оттуда, а по выходе они садились под портиком, и невольники разминали их, как их научил Абу–Сир.

И люди входили в хаммам и исполняли там то, что им было нужно, а затем выходили, не платя, и так продолжалось три дня, а на четвертый день Абу–Сир пригласил царя в хаммам, и царь сел на коня вместе с вельможами правления, и они отправились в хаммам.

И царь разделся и вошел, и Абу–Сир вошел тоже и начал тереть царя мочалкой, и он удалял с его тела катышки грязи, точно фитили, и показывал их царю, и царь радовался, и от прикосновения его руки к телу слышался звук из–за его мягкости и чистоты.

А вымыв царю тело, Абу–Сир прибавил к воде купальни розовой воды, и царь спустился в купальню и вышел оттуда, и его тело увлажнилось, и у него появилась бодрость, которой он всю жизнь не чувствовал, и потом АбуСир посадил его под портиком, и невольники начали разминать его, и курильницы распространяли запах алоэ.

И царь сказал: "О мастер, это и есть хаммам?" И АбуСир отвечал: "Да". И царь воскликнул: "Клянусь жизнью моей головы, мой город стал городом только с этим хаммамом! Какую плату ты берешь с человека?" – спросил он потом. И Абу–Сир сказал: "Сколько ты прикажешь мне дать, столько я и возьму".

И царь приказал дать ему тысячу динаров и сказал: "Со всякого, кто у тебя вымоется, бери тысячу динаров". – "Прости, о царь времени, – сказал Абу–Сир. – Люди не все одинаковы, напротив – среди них есть богатые и есть бедные, и если бы я брал с каждого тысячу динаров, хаммам перестал бы работать. Ведь бедный не может заплатить тысячу динаров". – "А как же ты сделаешь с платой?" – спросил царь. И Абу–Сир сказал: "Я назначу плату по великодушию, и каждый даст мне сколько может и сколько пожалует его душа. Мы будем брать с каждого человека по его состоянию, и если дело будет таково, народ станет ходить к нам, и кто богат, тот даст мне сообразно своему сану, а кто беден, тот даст столько, сколько пожалует его душа, и если останется дело так, хаммам будет действовать, и будет он в великом почете. Что же касается тысячи динаров, то это – дар царя, и не всякий может дать столько".

И вельможи царства подтвердили его слова и сказали: "Вот это истина, о царь времени! Разве ты считаешь, что все люди подобны тебе, о славный царь?"

И царь сказал: "Поистине, ваши слова правильны, но этот человек – чужестранец и бедняк, и нам обязательно надо оказать ему уважение. Ведь он сделал у нас в городе этот хаммам, равного которому мы в жизни не видели, и наш город украсился и приобрел значительность только из–за него. Если мы окажем ему уважение увеличением платы, то это немного". – "Если ты хочешь оказать ему уважение, – сказали вельможи, – то оказывай ему уважение из твоих денег (а уважение от царя бедному – малая плата за хаммам), для того чтобы молились за тебя подданные. Что же касается тысячи динаров, то мы – вельможи твоего царства, но наша душа не соглашается их дать. Как же согласится на это душа бедняков?" – "О вельможи моего царства, – сказал царь, – каждый из вас пусть даст ему в этот раз сто динаров, невольника, невольницу и раба". – "Хорошо, мы дадим ему все это, – сказали вельможи, – но после сегодняшнего дня всякий входящий пусть дает ему лишь то, что пожалует его душа". – "В этом нет беды", сказал царь. И вельможи дали Абу–Сиру каждый сто динаров, невольницу, невольника и раба, и было число вельмож, которые мылись с царем в этот день, четыреста душ..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот тридцать шестая ночь

Когда же настала девятьсот тридцать шестая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что число вельмож, которые мылись с Царем в этот день, было четыреста душ. А количество того, что они дали из динаров, оказалось сорок тысяч, и невольников – четыреста, и рабов – четыреста, и невольниц – четыреста (достаточно с тебя такого дара!), а царь дал АбуСиру десять тысяч динаров, десять невольников, десять невольниц и десять рабов.

И Абу–Сир выступил вперед, и поцеловал перед царем землю, и сказал: "О счастливый царь, обладатель здравого суждения! Какое место вместит меня с этими невольниками, невольницами и рабами?" И царь молвил: "Я приказал это своим вельможам только для того, чтобы мы собрали тебе большое количество денег. Ты ведь, может быть, вспомнишь свою страну и семью и соскучишься по ней и захочешь поехать на родину, и окажется, что ты взял из нашей с граны основательное количество денег, которое поможет тебе жить в твоей стране". – "О царь времени, да возвеличит тебя Аллах! – сказал Абу–Сир. – Эти многочисленные невольники, невольницы и рабы по сану царям, и если бы ты велел дать мне наличные деньги, они быт бы лучше, чем это войско, потому что люди едят и пьют и одеваются, и сколько бы мне ни досталось денег, их не хватит на содержание этих рабов".

И царь засмеялся и воскликнул: "Клянусь Аллахом, ты сказал правду, их оказалось целое войско, и у тебя нет возможности содержать их! Не продашь ли ты мне каждого из них за сто динаров?" – "Я продал их тебе за эту цену", – сказал Абу–Сир. И царь послал за казначеем, чтобы тог принес ему денег, и когда казначей принес их, царь отдал Абу–Сиру деньги за всех полностью и до конца, а затем после этого он пожаловал рабов их владельцам и сказал: "Всякий, кто узнает своего раба, невольника и невольницу, пусть берет их. Они – подарок вам от меня".

И вельможи исполнили приказание царя, и всякий из них взял то, что ему принадлежало, и Абу–Сир сказал: "Да избавит тебя Аллах от зла, о царь времени, как ты избавил меня от этих гулей, которых может насытить только Аллах!"

И царь засмеялся его словам и признал, что он прав, а затем он взял вельмож своего царства и ушел из бани во дворец.

И Абу–Сир провел эту ночь, считая золото, складывая его в мешки и запечатывая. И у него было двадцать рабов, и двадцать невольников, и

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

четыре невольницы для услуг. А когда наступило утро, он открыл хаммам и послал глашатая кричать: "Всякий, кто войдет в хаммам и помоемся, пусть даст то, что пожелует его душа и чего требует его великодушие!"

И Абу–Сир сел около сундука, и на него налетели посетители, и всякий, кто входил, клал в сундук то, что было для него нетрудно положить, и не наступил еще вечер, как сундук наполнился добром Аллаха великого.

А затем царица пожелала войти в хаммам, и когда это дошло до Абу–Сира, он разделил ради нее день на две части и назначил от зари до полудня время мужчин, а от полудня до заката – время женщин. А когда царица пришла, он поставил за сундуком невольницу.

И он обучил четырех невольниц банному делу, так что они стали искусными банщицами, и когда царица вошла в хаммам, это ей понравилось, и ее грудь расправилась, и она положила тысячу динаров. И слава АбуСира распространилась в городе, и всякому, кто входил, он оказывал уважение – все равно, был это богатый или бедный, и благо стало входить к нему из всехдверей.

И он свел знакомство с приближенными царя, и появились у него друзья и товарищи, и царь приходил к нему один день в неделю и давал ему тысячу динаров, а остальные дни недели были для вельмож и бедняков, и Абу–Сир старался уважать людей и обращался с ними очень ласково.

И случилось в один из дней, что капитан царя вошел к нему в хаммам, и Абу–Сир разделся, и вошел с ним, и стал его растирать, и обошелся с ним особенно ласково. И когда капитан вышел из хаммама, Абу–Сир приготовил ему питье и кофе, а когда он пожелал дать ему что–нибудь, Абу–Сир поклялся, что не возьмет с него ничего, и капитан был ему признателен, так как видел его крайнюю ласку и милость, и чувствовал смущение, не зная, что подарить этому банщику за его почет.

Вот что было с Абу–Сиром. Что же касается Абу–Кира, то он услышал, что все люди бредят хаммамом и всякий из них говорит: "Этот хаммам благо земной жизни, без сомнения. Если захочет Аллах, о такой–то, мы пойдем с тобой завтра в этот прекрасный хаммам!"

И Абу Кир сказал про себя: "Обязательно пойду, как другие люди, и посмотрю на этот хаммам, который похитил ум у людей".

И потом он оделся в самую роскошную, какая у него была, одежду, сел верхом на мула и, взяв с собой четырех рабов и четырех невольников, которые шли сзади него и впереди него, отправился в хаммам.

И он спешил в воротах хаммама, и, оказавшись у ворот, почувствовал запах алоэ, и увидел, что люди входят и выходят и все скамейки полны больших и малых. И он вошел в проход, и Абу–Сир увидел его и поднялся к нему, радуясь. И красильщик сказал: "Разве таков обычай честных людей? Я открыл себе красильню и стал мастером города, и познакомился с царем, и живу в счастье и величии, а ты ко мне не приходишь, не спрашиваешь обо мне и не говоришь: "Где мой товарищ?" Я обессилел, разыскивая тебя и посылая рабов и невольников искать тебя по ханам и другим местам, но они не знают к тебе дороги, и никто им о тебе не рассказывает".

И Абу–Сир сказал ему: "Разве я не приходил к тебе? Но ты ведь объявил меня вором, побил и опозорил среди людей".

И Абу–Кир огорчился и сказал: "Что это за слова? Разве это тебя я побил?" И Абу–Кир стал клясться тысячью клятвами, что он его не узнал, и сказал: "Кто–то похожий на тебя приходил и воровал каждый день чужие ткани, и я подумал, что этот человек – ты".

И он стал горевать, ударяя рукой об руку, и восклицал: "Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Мы тебя обидели! Но почему ты не дал мне себя узнать и не сказал мне: "Я такой–то"? Это тебе должно быть стыдно, что ты не дал мне себя узнать, тем более что у меня голова кружится от множества дел". – "Да простит тебя Аллах, о мой товарищ! сказал Абу–Сир. – Это была вещь, predeterminedная в неведомом, и исправление дела – от Аллаха. Входи, снимай одежду, мойся и наслаждайся". "Заклинаю тебя Аллахом, извини меня, о брат мой", – сказал Абу–Кир. И АбуСир молвил: "Аллах пусть снимет с тебя ответственность и простит тебя! Это было predeterminedно мне от века". – "А откуда у тебя это величие?" – спросил Абу–Кир. И Абу–Сир ответил: "Тот, кто помог тебе, помог и мне.

Я отправился к царю и рассказал ему, что такое хаммам, и он велел его для меня построить". – "Как ты знакомый царя, так и я тоже его знакомый", – сказал Абу–Кир..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот тридцать седьмая ночь

Когда же настала девятьсот тридцать седьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Абу–Кир с Абу–Сиром упрекали друг друга, и Абу–Кир сказал: "Как ты знакомый царя, так и я тоже его знакомый, – и если захочет великий Аллах, я сделаю так, что он тебя полюбит и окажет тебе еще большее уважение ради меня. Он не знает, что ты мой товарищ, и я осведомлю его о том, что ты мой товарищ, и поручу тебя его заботам". "Меня не надо поручать, – ответил Абу–Сир. – Аллах, смягчающий сердца, существует, и царь со всеми вельможами полюбил меня и дал мне то–то и то–то".

И он рассказал Абу–Киру свою историю и затем сказал: "Сними с себя одежду за сундуком и входи в хаммам, и я войду с тобой, чтобы растереть тебя мочалкой".

И Абу–Кир снял то, что на нем было, и вошел в хаммам, и Абу–Сир вошел с ним, и натер его, и намыл, и одел, и занимался им, пока тот не вышел. И когда он вышел, Абу–Сир принес ему обед и напитки, и все люди удивлялись великому уважению его к Абу–Киру.

И после этого Абу–Кир хотел дать ему что–нибудь, но Абу Сир поклялся, что не возьмет с него ничего, и сказал: "Стыдись такого дела – ты ведь мой товарищ, и между нами пет различия".

И затем Абу–Кир сказал Абу–Сиру: "О товарищ, клянусь Аллахом, этот хаммам великолепен, но твоя работа в нем неполная". – "А в чем же ее недостаток?" – спросил Абу–Сир. И Абу–Кир сказал: "В лекарстве, то есть в тесте из мышьяка и извести, которое с легкостью удаляет волосы. Сделай такое лекарство, и когда царь придет, предложи его ему и научи его, как удалять им волосы. Он полюбит тебя сильной любовью и окажет тебе уважение". – "Ты прав, – сказал Абу–Сир. – Если захочет Аллах, я это сделаю".

И Абу–Кир вышел, и, сев на мула, отправился к царю, и вошел к нему, и сказал: "Я тебе искренний советчик, о царь времени". – "А каков твой совет?" – спросил царь. И Абу–Кир сказал: "До меня дошел один слух, а именно, что ты построил хаммам". – "Да, – ответил царь, – ко мне пришел один человек, чужеземец, и я открыл для него хаммам, как открыл для тебя красильню. Это хаммам великолепный, и он украсил мой город".

И царь стал рассказывать Абу–Киру о прелестях хаммама, и Абу–Кир спросил его: "А ты туда ходил?" – "Да", – отвечал царь. И Абу–Кир воскликнул: "Хвала Аллаху, который спас тебя от того негодяя, врага веры, то есть банщика!" – "А что с ним такое?" – спросил царь. И Абу–Кир молвил: "Знай, о царь времени, если ты войдешь в хаммам после сегодняшнего дня, ты погибнешь". – "Почему?" – спросил царь. "Банщик, – ответил Абу–Кир, твой враг и враг веры. Он побудил тебя устроить этот хаммам только потому, что хотел дать тебе в нем яду. Он приготовил для тебя что–то, и когда ты войдешь в хаммам, он принесет это тебе я скажет: "Вот лекарство, всякий, кто поможет им себя внизу, с легкостью сбросит оттуда волосы. А это вовсе не лекарство, но великая болезнь и убийственный яд. Этому негодяю обещал султан христиан, если он тебя убьет, освободить его жену и детей из плена, так как его жена и дети в плену у султана христиан. Я был с ним вместе в плену, в их землях, но я открыл красильню и стал им красить ткани в разные цвета, и люди смягчили ко мне сердце царя, и царь спросил: "Чего ты требуешь?" И я потребовал от него освобождения, и он меня освободил, и я пришел в этот город.

И я увидел этого человека в хаммаме и спросил его я сказал: "Как произошло твое освобождение и освобождение твоей жены и детей?" И он

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

ответил: "Я, и моя жена, и мои дети все еще в тепу. Царь христиан собрал диван, и я присутствовал там вместе со всеми, кто присутствовал, и стоял среди прочих людей. И я услышал, как они рассказывали царю разные истории и вспомнили о царе этого города, и царь христиан вздохнул и сказал: "Не победил меня никто в мире, кроме царя такого-то города. Всякому, кто ухитрится его убить, я дам все, что он пожелает". И я подошел к царю и спросил его: "Если я ухитрюсь его убить, освободишь ты меня, мою жену и моих детей?" И царь христиан сказал: "Да, да, я освобожу вас и дам тебе все, что ты пожелаешь. И мы с ним сговорились об этом.

Он послал меня на корабле в этот город, и я пошел к здешнему царю, и царь построил для меня этот хаммам, и мне остается только убить его. И тогда я пойду к царю христиан, выкуплю мою жену и детей и попрошу у него чего-нибудь".

И я спросил его: "Какую хитрость ты придумал, чтобы убить его?" И он сказал: "Это хитрость легкая, легче не бывает. Он придет ко мне, в этот хаммам, а я сделаю для него снадобье с ядом, и когда он придет, я скажу ему: "Возьми это лекарство и помажь им себе внизу, от него падают волосы". И он возьмет лекарство и помажет им себя внизу, и яд будет в нем играть один день и одну ночь, пока не распространится до сердца, и тогда он погибнет, и конец".

И когда я услышал эти слова, я испугался за тебя, так как твоя милость" лежит на мне, и вот я рассказал тебе об этом".

И когда царь услышал эти слова, он разгневался сильным гневом и сказал: "О красильщик, скрывай эту тайну!" А затем он пожелал войти в хаммам, чтобы пресечь сомнение уверенностью.

И когда царь вошел в хаммам, Абу-Сир оголился, по своему обычаю, и занялся царем и натер его, а после этого он сказал: "О царь времени, я приготовил лекарство, чтобы удалить нижние волосы". И царь сказал: "Принеси его мне". И Абу-Сир принес ему лекарство, и царь почувствовал, что у него противный запах, и уверился в том, что это яд.

И он рассердился и закричал приближенным: "Держите его!" И приближенные схватили Абу-Сира, а царь вышел, исполненный гневом, и никто не знал, почему он разгневался. И гнев царя был так силен, что он никому ничего не сказал и никто не осмелился его спросить.

И потом он оделся, и пошел в диван, и призвал к себе Абу-Сира, связанного по рукам, и потребовал капитана, и тот явился. И когда капитан явился, царь сказал ему: "Возьми этого негодяя и положи его в мешок, положи ему туда два кинтара негашеной извести и завяжи мешок с Абу-Сиром и известью, а потом положи мешок в лодку и подъезжай к моему дворцу. Ты увидишь, что я сижу у окна, и скажешь мне: "Бросить мне его?" И я скажу: "Бросай!" И когда я тебе это скажу, брось мешок в воду, чтобы известь стала гашеной, и тогда Абу-Сир умрет, утонувший и сожженный".

И капитан сказал: "Внимание и повиновение!" А затем он увел Абу-Сира от царя на остров, находившийся против царского дворца, и сказал ему: "О такой-то, я один раз пришел к тебе в хаммам, и ты оказал мне уважение и сделал все, что было обязательно. Я очень у тебя наслаждался, и ты поклялся, что не возьмешь с меня платы, и я полюбил тебя сильной любовью. Расскажи мне, что у тебя произошло с царем и что ты ему сделал дурного, что он на тебя так рассердился и приказал мне, чтобы ты умер этой скверной смертью?" – "Клянусь Аллахом, – сказал Абу-Сир, – я ничего не сделал, и мне не ведомо, какой я совершил с ним грех, чтобы заслужить это..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот тридцать восьмая ночь

Когда же настала девятьсот тридцать восьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что капитан спросил Абу-Сира о причине гнева на него царя, и Абу-Сир сказал: "Клянусь Аллахом, о брат мой, я ничего ему не сделал дурного, чтобы заслужить это". И капитан молвил: "Ты занимаешь у царя великое место, которого никто не достиг прежде тебя, а всякий, кто счастлив, внушает зависть. Может быть, кто-нибудь тебе позавидовал за такое счастье и закинул о тебе царю какие-нибудь слова, и царь разгневался на тебя таким гневом. Но добро тебе пожаловать, и с тобой не будет дурного. Как ты оказал мне уважение, хотя между нами не было знакомства, так и я освобожу тебя; но когда я тебя освобожу, ты останешься со мной на этом острове, пока не придет из города корабль в сторону твоей земли, и я отошлю тебя на таем".

И Абу-Сир поцеловал капитану руку и поблагодарил его за это; и затем капитан принес известку, положил ее в мешок и положил туда большой камень размером с человека, и сказал: "Полагаюсь на Аллаха!"

И потом капитан дал Абу-Сиру сеть и сказал ему: "Закинь эту сеть в море, может ты поймаетшь скольконибудь рыбы. Поставка рыбы для кухни царя лежит каждый день на мне, а меня отвлекла от ловли беда, которая тебя поразила. Я боюсь, что придут слуги повара, требуя рыбы, и не найдут ее, и если ты что-нибудь поймаетшь, они найдут это. А я пойду и устрою хитрость под окнами дворца и сделаю вид, что я бросил тебя".

И Абу-Сир сказал: "Я буду ловить, а ты иди, и Аллах тебе поможет". И капитан положил мешок в лодку и ехал, пока не приехал ко дворцу.

И он увидел, что царь сидит у окна, и сказал: "О царь времени, бросать мне его?" И царь сказал: "Бросай!" И сделал рукой знак, и вдруг что-то сверкнуло и упало в море.

И оказалось, что то, что упало в море, это перстень царя. А он был заколдованный, и когда царь на когонибудь гневался и хотел его убить, он указывал на него правой рукой, на которой был перстень, из перстня вылетала молния и поражала того, на кого указал царь, и голова его падала с плеч. И войска повиновались царю, и он покорял великанов только благодаря этому перстню.

И когда перстень упал с его пальца, царь скрыл это дело и не мог сказать: "Мой перстень упал в море", – так как боялся, что войска восстанут против него и убьют его, и промолчал.

Вот что было с царем. Что же касается Абу-Сира, то после ухода капитана он взял сеть и закинул ее в море, и потянул сеть, и сеть поднялась полная рыбы, и затем он кинул ее второй раз, и она снова поднялась полная рыбы, и Абу-Сир все время бросал сеть, а она поднималась полная рыбы, пока перед ним не оказалась большая куча рыбы.

И тогда он сказал про себя: "Клянусь Аллахом, я уже долгое время не ел рыбы!" И выбрал большую жирную рыбу и подумал: "Когда придет капитан, я скажу, чтобы он изжарил мне эту рыбу, и пообедаю".

И он стал резать рыбу ножом, который у него был, и нож зацепился за что-то в жабрах рыбы, и Абу-Сир увидел, что там находится перстень царя, – потому что эта рыба проглотила перстень, и потом судьба пригнала ее к этому острову, и она попала в сеть.

И Абу-Сир взял перстень и надел его на мизинец, не зная, какие у него свойства. И вдруг двое молодцов из слуг повара пришли, чтобы потребовать рыбы, и, подойдя к Абу-Сиру, сказали: "О человек, куда ушел капитан?" И Абу-Сир сказал: "Не знаю". И сделал знак правой рукой, и вдруг головы слуг упали с плеч, когда Абу-Сир указал на них и сказал: "Не знаю". И Абу-Сир удивился этому и стал говорить: "Смотри-ка! Кто это убил их?" И это показалось ему тяжким, и он задумался.

И вдруг подошел капитан и увидел большую кучу рыбы и двух убитых, и увидел на пальце Абу-Сира перстень.

"О брат мой, – сказал он ему, – не двигай рукой, на которой перстень. Если ты двинешь ею, ты убьешь меня!"

И Абу-Сир удивился его словам: "Не двигай рукой, на которой перстень. Если ты двинешь ею, ты убьешь меня!" И когда капитан дошел до него и спросил: "Кто убил этих двух слуг?" – Абу-Сир сказал: "Клянусь Аллахом, о брат мой, я не знаю". – "Ты сказал правду, – ответил

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

капитан, – но Расскажи мне про этот перстень, как он к тебе попал?" – "Я увидел его в жабрах этой рыбы", – отвечал Абу–Сир. И капитан молвил: "Ты сказал правду. Я видел его, как он падал, сверкая, из дворца царя, пока не упал в море, когда царь указал на тебя и сказал мне: "Бросай его!" Когда он сделал мне знак, я бросил мешок, а перстень свалился у него с пальца и упал в море, и эта рыба проглотила его, и Аллах пригнал его к тебе, и ты ее поймал, – так что это твоя доля. Но знаешь ли ты свойства этого перстня?" – "Я не знаю у него никакого свойства", – сказал Абу–Сир. И капитан молвил: "Знай, что войска нашего царя повинуются ему, только боясь этого перстня, так как он заколдован. И когда царь разгневается на кого–нибудь и захочет убить, то указывает на него пальцем, и голова падает с плеч. Молния вылетает из этого перстня, и лучи ее достигают прогневавшего, и он тотчас же умирает".

И Абу–Сир, услышав эти слова, обрадовался сильной радостью и сказал капитану: "Вороти меня в город". И капитан сказал: "Я ворочу тебя, ибо я больше не боюсь для тебя зла от царя, потому что, если ты укажешь на него рукой и задумаешь его убить, его голова упадет перед тобой, и если бы ты даже захотел бить царя и всех его воинов, ты бы убил их без помехи".

И затем он сел в лодку и отправился с Абу–Сиром в город..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот тридцать девятая ночь

Когда же настала девятьсот тридцать девятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что капитан посадил Абу–Сира в лодку и отправился с ним в город. И когда доехал до города, поднялся в царский дворец, и вошел в диван, и увидел, что царь сидит, и воины перед ним, и царь в великом огорчении из–за перстня, но не может рассказать никому из воинов о пропаже перстня.

И когда царь увидел Абу–Сира, он сказал ему: "Разве мы не бросили тебя в море? Как ты сделал, что вышел из него?" И Абу–Сир сказал: "О царь времени, когда ты велел меня бросить в море, твой капитан взял меня и поехал со мной на остров, и спросил о причине твоего гнева на меня, и сказал: "Что ты сделал с царем, что он велел тебя умертвить?" И я ответил: "Клянусь Аллахом, мне не известно, чтобы я сделал с ним что–нибудь скверное". И капитан сказал: "Ты имеешь великое место у царя. Может быть, кто–нибудь тебе позавидовал и забросил о тебе царю какие–нибудь слова, так что царь на тебя рассердился. Но я приходил в твой хаммам, и ты оказал мне уважение, и за твое уважение ко мне в хаммаме я тебя освобожу и пошлю в твою страну". И затем он положил в лодку вместо меня камень и бросил его в море, но когда ты указал ему насчет меня пальцем, перстень упал с твоей руки в море, и его проглотила рыба. А я был на острове и ловил рыбу, и эта рыба попалась среди прочей рыбы, и я взял ее и хотел изжарить, и когда я вскрыл ей брюхо, я увидел в нем перстень, и взял его, и надел на палец.

И ко мне пришли двое слуг из кухни и потребовали рыбу, и я показал на них пальцем, не зная особенности перстня, и их головы упали; а затем пришел капитан и узнал перстень, который был у меня на пальце, и рассказал мне, что он заколдованный, и я принес его тебе, так как ты оказал мне благодеяние и почтил меня крайним почетом. Добро, которое ты мне сделал, у меня не пропало. Вот твой перстень – возьми его, и если я сделал с тобой что–нибудь, требующее убийства, скажи мне, в чем мой грех, и убей меня, и будешь свободен от ответственности за мою кровь".

И затем он снял перстень с пальца и подал его царю. И когда царь увидел, какое благодеяние оказал ему АбуСир, он взял от него перстень и надел его на палец, и душа вернулась к нему.

И он поднялся на ноги, и обнял Абу–Сира, и сказал: "О человек, ты принадлежишь к избранным сынам дозволенного! Не взыщи же с меня и прости мне то, что я тебе сделал. Если бы кто–нибудь, кроме тебя, овладел эти и перстнем, он бы мне его не отдал". – "О царь времени, – сказал Абу–Сир, – если ты хочешь, чтобы я тебя простил, скажи мне, в чем мой грех, который вызвал твой гнев на меня, так что ты приказал меня убить?" И царь воскликнул: "Клянусь Аллахом, я твердо установил, что ты невиновен, и нет на тебе никакого греха, раз ты сделал мне это благодеяние, но только красильщик сказал мне то–то и то–то".

И он рассказал ему, что говорил красильщик, и АбуСир молвил: "Клянусь Аллахом, о царь времени, я не знаю царя христиан и в жизни не ездил в христианские земли! Мне не приходило на ум убивать тебя, но этот красильщик был моим товарищем и соседом в городе Искандарии, и жизнь там стала нам тесна, и мы выехали оттуда из–за скудости пропитания и прочли друг другу фатиху о том, что работающий будет кормить безработного, и случилось у меня с красильщиком то–то и то–то".

И он рассказал царю все, что случилось у него с АбуКиром, красильщиком: как тот взял его деньги и покинул его больным в его комнате в хане, и как привратник хана тратился на него, когда он был болен, пока не исцелил его Аллах, и как затем он поднялся и стал ходить по городу со своими принадлежностями, как обычно, и по дороге увидел красильню, около которой была лавка, и, посмотрев в двери красильни, увидел Абу–Кира, который сидел там на скамье, и вошел к нему, чтобы его приветствовать, и достались ему от него побои и оскорбления, и Абу–Кир сказал про него, что он разбойник, и побил его мучительным боем.

И вот Абу–Сир рассказал царю обо всем, что с ним случилось, с начала до конца, и затем сказал: "О царь времени, это он сказал мне: "Сделай лекарство и поднеси его царю. Хаммам совершенен во всем, но только в нем отсутствует это лекарство". И знай, о царь времени, что это лекарство не вредит. Мы его делаем в наших странах, и оно обязательно бывает в хаммаме, но я забыл о нем, и когда пришел красильщик и я оказал ему почет, он напомнил мне об этом и сказал: "Сделай лекарство". Пошли, о царь времени, за привратником такого–то хана и рабочими красильни и спроси их всех о том, что я тебе рассказал".

И царь послал за привратником хана и за рабочими красильни и, когда они все пришли, спросил их, и они рассказали о случившемся, и тогда царь послал за красильщиком и сказал: "Приведите его босым, с непокрытой головой и с связанными руками".

А красильщик сидел в своем доме, радуясь убийству Абу–Сира. И не успел он опомниться, как приближенные царя бросились на него и удары посыпались ему на затылок, а затем ему скрутили руки и его привели к царю. И он увидел, что Абу–Сир сидит рядом с царем, а привратники хана и рабочие красильни стоят перед ним. И привратник хана спросил его: "Не это ли твой товарищ, у которого ты украл деньги и которого ты оставил у меня в комнате больным и сделал с ним то–то и то–то?" А рабочие красильни спросили: "Разве этот не тот, кого ты велел нам схватить и мы его побили?"

И царю стала ясна мерзость Абу–Кира и то, что он заслуживает большего, чем пытки Мункара и Накира [652], я потому он сказал: "Возьмите его и проведите по городу и рынку..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до девяност сорока

Когда же настала ночь, дополняющая до девяност сорока, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда царь услышал слова привратника хана и рабочих красильни, он убедился в скверности АбуКира и воздвиг против него несчастья и сказал своим приближенным: "Возьмите его и проведите по городу, а потом положите в мешок и бросьте в море!" – "О царь времени, – сказал Абу–Сир, – уступи мне его! Я простил ему все, что он мне сделал". – "Если ты его простил за себя, то я не могу его простить за себя, – ответил царь, и затем он закричал и сказал: "Возьмите его!" И АбуКира взяли и провели по городу, а потом посадили в мешок, и положили туда известку, и бросили мешок в море, и Абу–Кир умер, потопленный, сожженный.

"О Абу–Сир, – сказал тогда царь, – попроси у меня чего–нибудь – и получишь!" И Абу–Сир сказал: "Я прошу тебя отослать меня в мою землю, – у меня не осталось желания жить здесь".

И царь дал ему много денег сверх прежних наград и даров, а затем он пожаловал ему корабль, нагруженный всяким добром, а матросами

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

были невольники, и царь подарил их ему тоже, после того как предложил ему сделать его везирем, но Абу–Сир не согласился.

А затем он простился с царем и поехал, и все на корабле было его собственностью, даже матросы стали его невольниками, и ехал он не переставая, пока не достиг земли Искандарии.

И они стали на якорь подле Искандарии и вышли на сушу, и один из невольников Абу–Сира увидел мешок у самого берега и сказал: "О господин мой, у берега моря большой тяжелый мешок, и сверху он завязан, и я не знаю, что в нем". И Абу–Сир подошел, и развязал мешок, и увидел там Абу–Кира, которого море пригнало в сторону Искандарии, и он вынул его, и закопал поблизости от Искандарии, и сделал ему могилу, и назначил деньги на ее содержание, и на дверях гробницы он написал такие стихи:

"Узнается муж среди всех людей по делам его.

И дела свободных возвышенны, как порода их.

Не кори других – укоряем будешь, – нередко ведь

Что скажет муж, о нем же будет сказано.

Говорить слова избегай дурные и мерзкие,

Коль ведешь ты речи шутливые или важные,

Ведь берем мы пса благородных качеств домой к себе,

А суровый лев на цепи сидит, – неразумен он.

На поверхность моря выносит труп течение волн,

А жемчужины в глубине таятся песков морских.

Воробей ведь станет соперничать с сильным ястребом

Лишь по глупости и по малости его разума.

На страницах неба и воздуха написано:

"Кто свершил благое, получит тот то же самое".

Не пытайся сахар добыть себе из аронника

Ведь по вкусу вещь однородной будет с источником".

И затем Абу–Сир прожил некоторое время, и взял его Аллах к себе, и его похоронили по соседству с могилой его товарища Абу–Кира, и поэтому было названо это место Абу–Кир и Абу–Сир, а теперь оно известно как Абу–Кир. И вот то, что дошло до нас из их истории. Да будет же хвала сущему вечно, по воле которого сменяются ночи и дни!